

Крупный бизнес как идеологический локомотив

Российский и британский опыт

Андрей Куликов

Популярная фраза политического лобби “Кто-то должен платить за нашу демократию” никогда и нигде не теряла своей актуальности. Меняются правительства, меняются системы, а значение распределения капитала остается неизменным из столетия в столетие.

Часто исследователи оказываются слишком увлечены актуальными проблемами взаимоотношения политики и бизнеса, и их внимание привлекает исключительно лоббирование в своем повседневном виде – реальных политических решений в краткосрочной перспективе: принятие какого закона добилась компания или какие поправки “продавливает”, или каким политическим силам симпатизирует, или как участвует в противостоянии элит.

Однако идеологическая роль и позиция крупного капитала, рассчитанная на долгосрочную перспективу и затрагивающая саму суть хозяйственно-экономических отношений, остается совершенно не изученной.

Целесообразно провести сравнительный анализ опыта двух принципиально, исторически и политически разных стран – России и Великобритании, “родины парламента” и “молодой демократии”, на этапе, историчность которого не вызывает сомнений, – 90-е – 2000-е годы.

Великобритания вступила в последнее десятилетие, решительно обновленной правительствами М.Тэтчер и предвкушающей скорое восхождение “новых лейбористов”.

Россия начала формирование новой государственности и новых социальных и экономических отношений. В измененных условиях обеих стран острая политическая борьба, аккумулирующая все ресурсы, отчетливо показала стратегические по-

---

КУЛИКОВ Андрей Александрович – аспирант Института Европы РАН.

Ключевые слова: бизнес, политические партии, идеология, лоббирование.

зиции, интересы и возможности крупного капитала, его фундаментальные ориентиры и функции.

В качестве политических сил, выступающих заинтересованной стороной в отношениях с крупным бизнесом, можно рассмотреть ведущие политические партии* двух стран. Хотя их значение в Великобритании и России различно, а многое в их деятельности не имеет однозначной интерпретации (от права называться партиями до наличия идеологии). Но их цель и смысл существования не становятся от этого менее значимыми. Работа партийного правительства в Великобритании или деятельность партий в России существенны с точки зрения государственного управления.

Как бы ни определялось институциональное состояние партий, сколь бы ни были многообразны идеологические комбинации, сколь бы разными ни были сами политические системы и формы правления, они не позволяют отрицать главного: смыслом политической борьбы является борьба за власть.

Борьба за власть – суть деятельности партий в любой системе, непоколебимое и бесспорное условие любого политического преобразования и, следовательно, любой идеологии.

Борьба за власть шире и сложнее формализованных механизмов, предлагаемых политической системой.

Британский опыт

На протяжении 1900–1990 годов в Великобритании, где история лоббирования уходит корнями как минимум в XVII в., происходило усиление позиций частного капитала. Причем не только в объеме (количестве компаний и бизнес-ассоциаций), но и масштабе (стремление выйти за национальные рамки).

Появление новых экономических акторов после Второй мировой войны сделало возможными самые громкие подвижки третьей четверти XX в. Дважды лейбористское правительство вынуждено было остановить национализацию предприятий после вмешательства делового сообщества.

В конце 40-х годов этого добилась экономическая группа давления “Цели промышленности”, а в конце 50-х – середине 60-х годов – Британская федерация горно-рудных и сталелитейных компаний.

Реформы консервативного правительства М.Тэтчер в 80-е годы породили совершенно новый политэкономический миф – отождествление самого правительства (и, соответственно, власти в целом) с коммерческой организацией.

“Британские компании, – писали американские политологи впоследствии, – повлияли на партии больше, чем могли бы пожелать. Партийное правительство, начиная с Тэтчер, начало функционировать как корпорация, став символом адаптации рыночных решений в самой идеологической форме”¹.

Те же самые черты эти исследователи видели и в правительствах Джона Мейджора и Тони Блэра.

Если бы значение экономических вопросов в 90-е–2000-е годы необходимо было определить одной фразой, то ей, скорее всего, стал бы короткий ло-

---

* Под ведущими здесь понимаются партии, занимавшие первое – второе/третье места на парламентских выборах и формировавшие пару “правящая партия” – “главная оппозиция” или “партия власти” – “главная оппозиция”.

зунг: “Все дело в экономике, болван!” (“*It’s the economy, stupid*”). Его придумали для предвыборной кампании американского президента-демократа Билла Клинтона в 1992 г. С тех пор он превратился в повседневный фразеологизм англо-саксонского мира.

Его наполнение складывалось из двух больших блоков: инициативы для граждан и инициативы для бизнеса.

Почти все послевоенные годы именно в этой сфере пролегла воображаемая граница между лейбористами и консерваторами. Первые всегда считались сторонниками высоких налогов и государственного контроля, которые шли вразрез с интересами частного предпринимательства. Вторые, напротив, рассматривались как защитники бизнеса.

Заинтересованность компаний иметь хорошие отношения с Лейбористской партией раньше обуславливало то, что она являлась концентрированным воплощением тред-юнионизма, мощного движения рабочих, способного смести любое правительство (примеры 20-х и 70-х годов XX в.). Но с 1979 г. и профсоюзы и партия, которая их представляла, терпели одно поражение за другим. Консервативные правительства М.Тэтчер избавили бизнесменов от многолетней головной боли: теперь они могли думать только о прибыли, и необходимость влиять на лейбористов вроде бы исчезла.

В конце 80-х годов, пытаясь возродиться после череды тяжелых поражений, лейбористы первыми проявили заинтересованность в частном капитале.

Подтолкнули их к этому три момента:

– *во-первых*, оплот социализма – СССР и Варшавский договор – трещали по швам, демонстрируя кризис идеологии в мировом масштабе;

– *во-вторых*, идеи полной или даже частичной национализации приватизи-

рованных предприятий не находили поддержки у британских граждан;

– *в-третьих*, в партии рассудили, что, хотя бизнес не голосует, его симпатии могут способствовать формированию нужного впечатления у электората.

За восстановление контактов взялись “теневой” министр финансов, а затем лидер лейбористов Д.Смит и пресс-секретарь по вопросам Северной Ирландии Мо Моулам. Их многочисленные ланчи с представителями лондонского финансового истеблишмента с легкой руки неизвестного автора получили название “Операция “Сапат-коктейль из креветок”” (*Prawn Cocktail Offensive*) и положили начало новой партийной стратегии.

После смерти Дж.Смита (1994 г.) его дело продолжили новый лидер партии Т.Блэр и “теневой” министр финансов Г.Браун.

В 1994–1996 гг., демонстрируя масштабную работу по привлечению бизнеса на свою сторону, они не только сами убеждали компании, но и заставляли собственные механизмы Сити (газеты, принадлежавшие крупным бизнесменам) работать против своих владельцев, создавая вокруг возможного сотрудничества благоприятное общественное мнение. Это, развивая метафору правительства как корпорации, было грандиозным “роуд-шоу” (*road-show*), начавшимся за несколько лет до “первичного размещения акций” (*IPO*).

Многочисленные встречи с ключевыми фигурами (выступления на конференциях, тет-а-тет с руководителями и членами ведущих британских профессиональных ассоциаций – Конфедерации британской промышленности и Институтом директоров) и крупнейшими международными магнатами перемежались и дополнялись беспрецедентной пиар-поддержкой.

Лейбористы тянули на себя внимание не только “Файнэншл Таймс” (владелец газеты – группа “Пирсон” по-

жертвовала 25 тыс. фунтов в фонд лейбористов в 1995 г.) и Р.Мердока с его армией популярных изданий, но и интеллектуальных центров. В апреле 1995 г. одна из важнейших подобных организаций, Институт общественно-политических исследований, учредила комиссию по вопросам государственной политики и британского бизнеса.

Вершиной же стратегии стала отмена в 1995 г. четвертой статьи устава партии, признававшей целью “государственную собственность на средства производства, распределения и обмена”.

В пользу сближения лейбористов и бизнеса сработали также консерваторы. Они сами одобрительно смотрели на многие инициативы конкурентов, в то время как их внешнеэкономическая политика оказалась омрачена “черной средой” с выходом из Европейского механизма валютных курсов.

Выборы 1997 г. Лейбористская партия выиграла безоговорочно, но дальше начался процесс, которого мало кто ожидал.

В правительстве характер связей стал выглядеть несколько иначе, и возникло впечатление, что созданные в 1994–1997 гг. каналы влияния начали транслировать сигналы в обратную сторону.

Скандалы о конфликте интересов, прообразом которых были слухи о сговоре между лидерами лейбористов и Р.Мердоком еще в 1995 г., продолжались почти с первого (осень 1997 г. – Берни Экклстоун) и буквально до последнего дня пребывания Т.Блэра на посту премьер-министра (“деньги в обмен на титулы” в 2006–2007 гг.). Тогда же возникли разговоры о том, что компании получают доступ к правящей партии, финансируя научные исследования в авторитетных институтах.

И.Батлер, директор Института Адама Смита, даже согласился, что различия

между интеллектуальными центрами и пиар-фирмами стираются.

Но дело не только в этих крайних проявлениях. Добившись власти, лейбористы продолжают прислушиваться к тому, что говорят в деловых кругах.

В первые годы правительство снижало налоговые ставки (особенно в налоге на компании и налоге на прибыль с капитала), а Г.Браун, тогда министр финансов, говорил об открытости британской экономики и поддержке национального бизнеса за рубежом.

В 2007 г., уже став премьером, он создал для себя неформальный консультативный совет из исполнительных директоров ведущих британских компаний, а кадровые перестановки в аппарате в середине 2007 – начале 2008 г. привлекли на государственную службу таких людей, как Дигби Джоунс (бывший глава Конфедерации британской промышленности), Дженифер Мозес (бывший управляющий директор инвестиционного банка “Голдман Закс”), Джереми Хейвуд (управляющий директор британского подразделения инвестиционного банка “Морган Стенли”).

Однако, как предупреждают главный редактор журнала “Экономист” Дж.Миклтивейт и редактор экономического отдела газеты “Файнэншл Таймс” Дж.Уиллман, тесные взаимоотношения бизнеса и лейбористов не должны заслонить противоречий между ними.

Дж.Миклтивейт сожалеет, что “бизнес мало борется за свои права”².

В свою очередь, Дж.Уиллман, отмечает, что Т.Блэр мыслил более по-деловому по сравнению с Г.Брауном, налоговые инициативы которого (например, сокращение налоговой льготы для дивидендного налога, рост ставки национального страхования, налог на нерезидентов и другие) стали вызывать растущее неудовольствие бизнесменов³.

В то же время он описывает консультативный совет премьер-министра как “декоративный” и “беззубый”.

Контекст частной критики и предположения пределов идеологического влияния

дополняет статья бывшего сопредседателя Консервативной партии и одного из руководителей рекламного агентства "Саатчизд-Саатчи" М.Саатчи, написанная в конце марта 2008 г. Он резко выступил против самой обоснованности сравнения правительства с компанией.

"Политика не рынок, а партия не бренд", – заключал он, указывая, что главное различие кроется в мотивах (то есть идеях – Авт.): у партий они важны, а у компаний нет⁴.

Что касается консерваторов, то их отношения с бизнесом с середины 90-х годов сильно охладели. Поддерживать тори стало немодным (потому что чистый капитализм уже был не так популярен и востребован, как прежде) и невыгодным (потому что их собственное положение было достойным сожаления).

Составив список "Самых влиятельных правых деятелей в Великобритании" в 2007 г., его авторы замечали, что в нем, "возможно, меньше бизнесменов, чем могло бы быть в 80-е годы... Это говорит о том, насколько широко "новые лейбористы" распространили свою власть над частным сектором, прежде занятом и политизированном консерваторами"⁵.

Но были и другие причины.

Российский опыт

Еще В.И. Ленин говорил, что "политика есть концентрирование выражение экономики"⁶.

В России 90-х годов бизнес играл роль, которой позабывали бы компании в других странах мира. Его деятельность не исчерпывалась лоббизмом (который в это время начинал развиваться и входить в законное русло) или, по замечанию С.П. Перегудова, просто "вовлеченностью в сам процесс выборов в Федеральное собрание и региональные ассамблеи"⁷. Роль бизнеса в России была поистине государственного масштаба.

Во-первых, пролог финансовых скандалов, потрясших Великобританию в начале XXI в., был написан именно консерваторами. "Деньги в обмен на титулы" были актуальны еще в 80-е годы.

Премьер-тори Дж. Мейджор, который в 1993 г., отвечая Дж. Смитсу во время парламентских дебатов об Азиле Надире (председатель совета директоров корпорации "Полли Пек", обвиненный в махинациях), говорил, что нет необходимости менять закон о раскрытии имен тех, кто вносит пожертвования в казну партии.

Во-вторых, несмотря на сохранение традиционных воззрений (что правые более предпочтительны для бизнеса, чем левые), Консервативная партия и британские компании потеряли практическую основу сотрудничества.

Проекты У. Хейга, И. Д. Смита и М. Ховарда не оправдали себя.

Д. Камерон занялся обновлением позиций партии и пока ведет себя противоречиво: он то критикует отдельные компании с социальной стороны и пропускает встречи с бизнесменами (как конференцию Конфедерации британской промышленности в 2006 г.), то говорит фразами традиционной консервативной политики, обещая снижать налоги и защищать компании от государства.

Соглашаясь в целом с необходимостью перемен, сторонники каждого из подходов расходились в скорости их выполнения и фактически сформировали отраслевое основание противоречия.

Последние советские правительства отказывались от плана радикальных реформ (с 1990 г. навязываемых также МВФ), а первое российское правительство взялось за их выполнение. Ставка была сделана на либерализацию самых подвижных, финансового и торгового, секторов, которые должны были потянуть за собой всю экономику. Однако болезненность реализации программы одинаково для большинства граждан и госпредприятий привела к идеологическому размежеванию как в политике, так и в экономике (причем четко по ее структуре). Следствием этого стала возникшая непримиримость, поляризованность настроений в обществе и элите.

Одну сторону представляла либеральная партия “Выбор России”, ассоциируемая с двумя главными реформаторами Е.Т.Гайдаром и А.Б.Чубайсом.

По словам Ю.Федорова, они были заинтересованы “в скорейшей трансформации политико-экономической системы страны в либеральном направлении, сокращении роли государства в экономике и максимальной свободе хозяйственной деятельности, в том числе связей с внешним миром”¹⁸.

Их поддерживали торговый капитал, сфера услуг, большая часть добывающих отраслей и ряд промышленных производств.

Другая сторона отождествлялась с ревизионистски настроенной Коммунистической партией Российской Федерации (КПРФ) и Аграрной партией России (АПР). Они выступали за большую роль государства в экономике и имели поддержку “руководящего состава промышленных и сельскохозяйственных предприятий”¹⁸.

Именно с первой группы и “Выбора России” в стране начались три процес-

са, ставшие эмблемой всего десятилетия, – концентрация капитала, сращение капитала и власти и внутренняя борьба властных элит в экономике.

Реформы 90-х годов не слишком избавили страну от поздних советских монополий, которые только изменили форму собственности, однако за счет приватизации привели к созданию новых. Кроме того, концентрация капитала также проявилась в существовании финансово-промышленных групп (ФПГ) – больших конгломератов с очень диверсифицированной структурой, частью которой были банки, промышленные предприятия, СМИ.

Стремительный рост отдельных компаний имел весьма неблагоприятные последствия:

- из орбиты партийных интересов на десятилетие выпал мелкий и средний бизнес;

- возникла социальная напряженность;

- неравномерность выгод от приватизации вызвала разногласия среди самой элиты;

- частный капитал превысил финансовые возможности государства.

Уже к 1993 г. в правящем кругу возник раскол. Финансово-торговое лобби поддерживало либералов, в то время как ТЭК пытался создать ему противовес за счет поддержки Партии российского единства и согласия (ПРЕС). В год выборов в Государственную думу второго созыва премьер-министр страны, бывший министр газовой промышленности СССР и бывший председатель совета директоров компании “Газпром” В.Черномырдин, заручившись поддержкой президента, создал партию “Наш дом – Россия” (НДР). Ее задачей было победить избирательный блок Е.Т. Гайдара и коммунистов, а в основу программы партии лег “Консервативный манифест”, написанный годом ранее лидерами ПРЕС.

Видеть в разнице программ “Выбора России” и НДР следствие осознанного влияния крупных компаний довольно сложно, поскольку в целом обе партии выступали за продолжение реформ. Но подчеркнутым отличием может служить наличие в программе НДР ясного призыва поддерживать создание ФПГ.

“Идет процесс объединения усилий крупных предпринимателей. В частности, укрепляются позиции корпораций, создаются реально функционирующие финансово-промышленные группы. Государство не должно препятствовать этому процессу. Следует наблюдать за ним, помогать и использовать его в национальных интересах с учетом антимонопольного законодательства”⁹.

Поддержка ФПГ была едва ли не главным лоббистским усилием бизнеса в правительстве в то время.

В январе 1995 г. Торгово-промышленная палата выпустила доклад “Российское предпринимательство. Приоритеты национальной экономики в 1995 г.”, где как раз призвала создать условия для концентрации капитала, особенно в рамках ФПГ. Также известно, что до 1999 г. партию В.С.Черномырдина безоговорочно поддерживал “Газпром”, который в других политических симпатиях замечен не был. В отличие от НДР “Выбор России” ничего подобного не предлагал.

Вторая группа, сформировавшаяся в начале 90-х годов, объединяла сравнительно широкий круг бизнесменов и “красных директоров”. Они готовы были выделять деньги для оппозиционеров, но в целом претендовали не на идейно-политическое влияние в партии, а на экономические и политические дивиденды в случае их прихода к власти.

После президентских выборов 1996 г., на которых победу Б.Ельцина помогла обеспечить так называемая “семибанкирщина” (Б.А.Березовский,

М.Б.Ходорковский, М.М.Фридман, В.А.Гусинский, В.О.Потанин, А.П.Смоленский, В.В.Виноградов), поиск финансовой поддержки активизировали и в компартии.

Говоря, что сотрудничество со слоем крупных собственников для партии было “практически невозможно”, лидер КПРФ Г.А.Зюганов также признавал вероятность “определенного взаимодействия с теми или иными его представителями”¹⁰ и в ходе выступлений в Госдуме неоднократно поднимал голос “в защиту банков, руководителей и магнатов”¹¹. Кроме того, коммунисты неизменно состояли во всевозможных промышленных депутатских группах.

Но именно отсутствие идеи ставит в вину КПРФ директор Института проблем глобализации и социальных движений, один из авторов скандального “Штормового предупреждения”, марксист Борис Кагарлицкий. “Партийное руководство не просто брало деньги у олигархических структур, – возмущается он, – но делало это, не имея ни твердых принципов, ни четкой политики”¹².

Наибольшей активностью отличались 1998–2003 гг., когда КПРФ попыталась заручиться поддержкой даже ведущих бизнесменов. Также партия стала акцентировано обещать помощь малому и среднему бизнесу и относительно мягкий пересмотр итогов приватизации. Но после начала процесса “равноудаления” привлечение бизнеса к сотрудничеству оказалось уже непросьтым в силу специфики складывающейся “вертикали власти”.

Другой причиной, побудившей лидера КПРФ оставить попытки привлечения на свою сторону крупного частного капитала, стал большой общественный резонанс деловых инициатив партии, который вынудил руководство партии оправдываться.

Опрос Фонда “Общественное мнение” в 2003 г. показал, что 40% респондентов считают наличие в списке партии олигархов противоречащим ее идеологии, но ради

справедливости надо сказать, что 60% не изменили своего отношения к КПРФ¹³.

Постепенно менялись формы сотрудничества и “партий власти” с бизнесом. Вершиной участия бизнеса в партийном строительстве стал 1999 г., когда индивидуальными усилиями Б.А.Березовского за считанные дни была создана партия “Единство”.

Ее главной целью было создание альтернативы мощному блоку “Отечество”. Никто из работавших тогда с партией не говорит о ее идеологической составляющей в тот период. Однако предполагалось, что в стране может быть создана двухпартийная система – с лево- и право-центристскими партиями. Б.А.Березовский отводил себе роль отца-основателя последней.

Противостояние “Единства” и ОВР политически завершилось примирением и объединением для самих партий, но изгнанием для бизнесменов, которые поддерживали каждую из сторон.

Б.А.Березовский и В.А.Гусинский бежали из страны после предъявления им финансовых обвинений.

С 2000 г. прокуратура рассматривала дела в отношении почти всех главных олигархов страны.

Во многом показательному наказанию подвергся только М.Б.Ходорковский, наиболее активно демонстрировавший свои политические интересы (с 2001 г. через фонд “Открытая Россия” он занимался развитием гражданского общества в России и популяризацией либеральных проектов).

В начале XXI в. сращение капитала и власти и внутренняя борьба властных элит за экономические ресурсы приобрели новые формы, что, в первую очередь, показало растущую активность государства.

По данным финансовых аналитиков, до 40% отечественного капитала до сих пор находится в руках высокопоставленных российских чиновников¹⁴.

“Равноудаление олигархов”, начатое президентом В.В.Путиным в июне

2000 г., действительно привело к отдалению крупного бизнеса от власти, но только того бизнеса, который сам при этом не имел формальных связей с действующей властью – как, например, представительство в совете директоров госслужащих.

В дальнейшем, приблизительно с 2005 г., “равноудаление” вылилось в наступление: намерение государства легализовать олигархическую собственность через свое участие – добровольно-принудительную консолидацию активов.

В 2007 г. бизнесмен, глава “Финанс-групп” О.С.Шварцман в получившем большой резонанс интервью газете “Коммерсант” назвал процесс “бархатной реприватизацией”¹⁵.

Вследствие всех этих процессов от прежней взаимовыручки и идейной близости не осталось и следа.

Подписывая с “Единой Россией” соглашение о сотрудничестве в июне 2007 г., президент Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) А.Н.Шохин говорил: “Для бизнеса очень важна прагматическая составляющая. “Единая Россия” – это локомотив принятия законов, в которых бизнес заинтересован”¹⁶.

Рациональные отношения с партией поддерживают также две другие ведущие деловые ассоциации – “Деловая Россия” и “ОПОРА России”, а также крупные бизнесмены по отдельности.

При этом председатель “Деловой России” Б.Титов, наравне с некоторыми предпринимателями, входит в Высший совет ЕР.

Нынешняя форма взаимодействия сводится сейчас преимущественно к сотрудничеству по конкретным проектам: образование, социальные и экономические программы.

Идеологическое единство подразумевается, но не акцентируется и не обосновывается.

Рынок и новая политическая система были приняты по умолчанию.

В апреле 2008 г. “Деловая Россия” и “Единая Россия” представили новый формат отношений для реализации “плана Путина”: стартовые 18 отраслевых направлений, по которым представители крупных компаний и партии будут работать вместе. Бизнес берет на себя различную социально-экономическую ответственность, а партия обещает выступать в качестве авторитетного посредника в диалоге компаний с правительством.

Однако большинство бизнесменов все-таки отмечают перекос в сторону излишнего государственного вмешательства.

В декабре 2007 г. опрос, проведенный ВЦИОМ по заказу РСГП среди 1200 топ-менеджеров, показал, что 46% расценивают действия государства направленными только на выгоду отдельных бизнес-групп, а 55% определили отношение государства к бизнесу как к “тугому кошельку”, потребительское¹⁷.

Наличие богатой политической традиции, как в случае с Великобританией, предлагает больше примеров для подтверждения того, что идеологическое влияние присутствует.

Правительства меняли свои планы, партии изменяли свои программы – все, чтобы завоевать симпатии бизнеса и иметь на своей стороне их голоса в день, когда будет решаться судьба мест в парламенте.

При этом прибегать к активному влиянию на одну из партий бизнес заставляет только исключительные обстоятельства. В остальных случаях он предпочитает либо высказывать ситуативное недовольство, либо способствовать усилению позиций другой политической силы. К тому же компании располагают такими опосредованными рычагами давления, как СМИ и интеллектуальные центры. Все это, как правило, заставляет сами партии искать возможности привлечь деловые круги на свою сторону и, следовательно, обуславливает их идеологические поиски (как в случае с лейбористами в начале 90-х годов).

Отчасти последнее можно сказать и о российском опыте.

Уступки-исключения КПРФ доказывают, что даже самые принципиальные партии готовы искать компромиссы в своих идеологических построениях для привлечения средств на предвыборную кампанию. Однако в целом отношения бизнеса и ведущих партий в России сильно отличаются.

В начале 90-х годов, когда плюралистичное политическое и экономическое поле только формировалось, бизнес занимал место “теневого” политического участника.

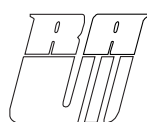
Только в начале 2000-х годов его роль стала стремительно изменяться: от фактора, направляющего или поддерживающего курс развития страны, к рядовому средству воплощения политических замыслов. Крупный капитал оказался встроено в единую модель подчинения интересам властной элиты, где ни идеологические, ни политические, ни порой даже коммерческие взгляды руководства организаций не имеют никакого значения. Более того, их желательно не иметь вовсе.

Российская практика противопоставляет британскому симбиозу бизнеса и партий необычное сочетание “личной унии” (в отношении компаний с чиновниками среди топ-менеджмента) и иерархии (подчинительных связей для всех остальных).

Однако то, что в России и Великобритании одинаково – это классическая роль крупного бизнеса как своего рода фундамента существующей экономической и общественно-политической модели.

Примечания

- ¹ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. М., 2002. С. 318.
- ² Частное интервью 26 ноября. 2007 г.
- ³ Частное интервью 15 января. 2008 г.
- ⁴ Saatchi M. Business and politics are worlds apart // The Financial Times. 2008. 25 Mar. P. 11.
- ⁵ Dale I., Brivati Br. Most influential Right-wingers in UK // Daily Telegraph. 2007. 3 Oct.
- ⁶ Ленин В.И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина // Полное собрание сочинений. Т. 42. М., 1969. С. 278.
- ⁷ Перегудов С.П. Корпоративный капитал в мировой и российской политике. М., 2005. С. 19.
- ⁸ Федоров Ю. Парламент в трансформационном процессе в России // Россия политическая / Под ред. Л.М. Шевцовой. 1998. С. 92, 93.
- ⁹ Программа Всероссийского общественно-политического движения “Наш дом – Россия” // Материалы второго съезда Всероссийского общественно-политического движения “Наш дом – Россия” (второй этап). М., 1995. С. 89.
- ¹⁰ Зюганов Г.А. Смотреть вперед. X Съезд КПРФ и “трудные вопросы” российского коммунистического движения. М., 2004. С. 9.
- ¹¹ Кобринский А.Л. Жириновский, Зюганов, Явлинский в Государственной Думе. 1993–1995. М., 2003. С. 218.
- ¹² Кагарлицкий Б. Управляемая демократия. Екатеринбург, 2005. С. 468.
- ¹³ КПРФ и олигархи. ФОМ. 2003. 28 ноября. // <http://www.fom.ru/topics/209.html>.
- ¹⁴ Мазнева Е. Команда преемника // Ведомости. 2008. 6 февраля. С. А01.
- ¹⁵ “Партию для нас олицетворяет силовой блок, который возглавляет Игорь Иванович Сечин”. Записал М. Кваша // Коммерсант. 2007. 30.11.2007. С. 1, 19.
- ¹⁶ “Единая Россия” и РСПП будут совместно выполнять План Путина // Единая Россия. 2007. 7 июня // <http://www.edinros.ru/news.html?id=121129>.
- ¹⁷ Шарипова А., Граник И., Шншкин М. ВЦИОМ расставил оценки власти // Коммерсант. 2007. 5 декабря. С. 2.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
BSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru